

Владимир ШИШКИН, доктор исторических наук

ОСТРОВ СМЕРТИ

В современной западной и отечественной историографии существуют различные трактовки того, что получило название «советская модель социализма». Сегодня наибольшим признанием пользуются две из них. В соответствии с первой концепцией советский режим идентифицируется с коммунистической утопией, а его руководители называются социальными реформаторами. Лейтмотив второй концепции звучит примерно так: преступный режим вершил преступные дела, в результате которых судьбы подвластных ему народов обернулись национальными трагедиями. Доминирующую идею первой концепции, пожалуй, наилучшим образом иллюстрирует название неоднократно переиздававшейся за рубежом книги М. Геллера и А. Некрича «Утопия у власти». Квинтэссенцией второй концепции может послужить название другой популярной книги — «Большой террор» Р. Конквеста.

Несмотря на существенные различия, обе концепции имеют право на существование, поскольку, с одной стороны, советский политический режим не оставался неизменным, с другой, в богатой противоречиями и контрастами советской истории при желании можно найти реальные факты для обоснования взаимоисключающих позиций. Поэтому многое зависит от ракурса, под которым исследователь изучает советский строй, от тех нравственных и научных ориентиров, которые он берет за точку отсчета, в качестве критериев. От этого, повторяю, зависит многое, но далеко не все. Принцип научной объективности диктует необходимость непременного соблюдения двух условий: системно-функционального подхода к анализу советской действительности, во-первых, и полноты, всесторонности информации о ней — во-вторых.

Выполнение обоих условий всегда давалось исследователям с трудом. Не буду называть объективные причины того, почему так обстояло дело. Их много, и в каждом конкретном случае они различны. Подчеркну другое: исследователи, работавшие в русле первой концепции, находились в более предпочтительном положении, чем их оппоненты, исповедовавшие теорию тотального террора. Первые располагали довольно обширным и доступным корпусом источников, тогда как вторые довольствовались преимущественно фрагментарными данными или косвенными свидетельствами. В качестве примера сошлюсь на А. Солженицына. Предваряя основной текст «Архипелага ГУЛАГа», он счел нужным отметить: «Я не дерзну писать историю Архипелага: мне не досталось читать документов».

Напомню также, что на здесь же самому себе заданный вопрос («Но кому-нибудь когда-нибудь — достанется ли?») писатель был склонен ответить скорее отрицательно, чем утвердительно. Скептицизм А. Солженицына имел под собой серьезные основания: «У тех, не желающих вспоминать, довольно уже было (и еще будет) времени уничтожать все документы дочиста».

Писатель оказался прав, но лишь отчасти. Участвуя сначала в рассекречивании материалов ряда государственных архивов Сибири, а затем в передаче фондов бывшего партийного архива Новосибирского обкома КПСС на государственное хранение, я имел возможность убедиться, что попытки изъять и уничтожить документы, характеризующие деятельность советских карательных органов, предпринимались неоднократно. Однако по большому счету они не увенчались успехом. В ряде случаев это было трудно сделать по причинам чисто технического свойства: деятельность репрессивного аппарата настолько тесно переплеталась с работой партийных и государственных учреждений, что неизбежно отражалась в их документации.

Главная же причина видится в другом. До недавних пор многие трагические страницы новейшей отечественной истории (будь то красный террор или расказачивание, массовая коллективизация крестьянства или ликвидация кулачества как класса) виделись руководству бывшей КПСС совсем в ином, романтическом и героическом свете. Документы, свидетельствовавшие об этих событиях, требовались для прославления содеянного, что и способствовало их сохранению. А Указы Президента России Б. Ельцина «О партийных архивах» и «Об архивах Комитета государственной безопасности СССР», изданные после подавления августовского путча, сделали их доступными для исследователей.

Должен признаться, что новые материалы, с которыми мне удалось познакомиться за послепутчевый период, дали для понимания советской истории, пожалуй, не меньше, чем два предыдущих десятилетия работы в архивах. Открылись не просто новые страницы, а целые пласти нашего недавнего прошлого. Но еще важнее другое: стали известны некоторые скрытые пружины, приводившие в действие весь советский механизм. Я убедился, что новейшая отечественная история гораздо многослойнее и полифоничнее, что она гораздо трагичнее, если говорить о судьбах простых людей, и «циничнее», если оценивать политику и поведение правящих кругов, партийно-государственной номенклатуры.

Не скрою, больше всего меня интересовали материалы так называемой «Особой папки». «Особая папка» — святая святых любого партийного архива. Доступ к ней имел только один человек — заведующий партархивом. Большинство же исследователей, скорее все, даже не подозревали об ее существовании.

В основном мои ожидания оправдались. Удалось обнаружить документы, проливающие свет на ряд важных вопросов. Но как профессионального историка и чисто по-человечески больше всего меня поразила группа документов, в которых рассказывается о трагедии, разыгравшейся в 1933 году на обском острове Назино.

Содержащийся в этих документах фактический материал является убийственной характеристикой той бесчеловечной политики и практики, того государственного произвола, граничившего с беспределом, которые существовали в СССР в период «развернутого наступления социализма по всему фронту». Сомневаться в объективности сообщаемых сведений не приходится, поскольку они были проверены и признаны достоверными высшим партийным органом края — бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б). В саморазоблачении советского режима видится мне главное значение публикуемых материалов.

Доклад инструктора-пропагандиста Нарымского окружного комитета РКП(б) Величко И. В. Сталину, Р. И. Эйхе и секретарю Нарымского окружкома ВКП(б) К. И. Левиц

р. Назина — приток Пами,
пос. Новый Путь

3—22 августа 1933 г.
Совершенно секретно

29-го и 30-го апреля этого года из Москвы и Ленинграда были отправлены на трудовое поселение два эшелона деклассированных элементов. Эти эшелоны, подбирая по пути следования подобный же контингент, прибыли в г. Томск, а затем на баржах в Нарымский округ.

18 мая первый и 26 мая второй эшелоны, состоя из трех барж, были высажены на реке Оби у устья р. Назина, на остров Назина, против остяцко-русского поселка и пристани этого же названия (Александровский район, северная окраина Нарымского округа).

Первый эшелон составлял 5070 человек, второй — 1044. Всего 6114 человек. В пути, особенно в баржах, люди находились в крайне тяжелом состоянии: скверное питание, скученность, недостаток воздуха, массовая расправа наиболее отъявленной части над наиболее слабой (несмотря на сильный конвой). В результате — помимо всего прочего — высокая смертность. Например, в первом эшелоне она достигала 35—40 человек в день.

Показателен в данном случае такой факт. Первый эшелон принял к острову в прекрасный солнечный день. Было очень тепло. В первую очередь на берег были вынесены до сорока трупов, и потому что было тепло, а люди не видели солнца, могильщикам было разрешено отдохнуть, а затем приступать к своей работе. Пока могильщики отдыхали, мертвцы начали оживать. Они стояли, звали о помощи и некоторые из них поползли по песку к людям. Так из этих трупов ожили и стали на ноги 8 человек.

Жизнь в баржах казалась роскошью, а пережитые там трудности сущими пустяками по сравнению с тем, что постигло эти оба эшелона на острове Назина (здесь должна была произойти разбивка людей по группам). Сам остров оказался совершенно девственным, без каких [бы] то ни было построек. Люди были высажены в том виде, в каком они были взяты в городах и на вокзалах: в весенней одежде, без постельных принадлежностей, очень многие босые.

При этом на острове не оказалось никаких инструментов, ни крошки продовольствия, весь хлеб вышел и в баржах, поблизости также продовольствия не оказалось. А все медикаменты, предназначенные для обслуживания эшелонов и следовавшие вместе с эшелонами, были отобраны еще в г. Томске.

Такое положение смущило многих товарищеских сопровождавших первый эшелон [в] 5070 человек] (дело в том, что еще в баржах многие из-за недостатка хлеба голодали). Однако эти сомнения комендантом Александровско-Ваховской участковой комендатуры Цыпковым были разрешены так: «Выпускай... Пусть пасутся».

Жизнь на острове началась.

На второй день прибытия первого эшелона, 19 мая выпал снег, поднялся ветер, а затем [ударил] мороз. Голодные, истощенные люди, без кровли, не имея никаких инструментов и в главной своей массе трудовых навыков и тем более навыков организованной борьбы с трудностями, очутились в безвыходном положении. Обледеневшие, они были способны только жечь костры, сидеть, лежать, спать у огня, бродить по острову и есть гнилушки, кору, особенно мох и пр. Трудно сказать, были ли возможности делать что-либо другое, потому что трое суток никому никакого продовольствия не выдавалось. По острову пошли пожары, дым.

Люди начали умирать.

Они заживо сгорали у костров во время сна, умирали от истощения и холода, от ожогов и сырости, которая окружала людей.

Так трудно переносился холод, что один из трудпереселенцев залез в горящее дупло и погиб там на глазах людей, которые не могли помочь ему: не было ни лестниц, ни топоров.

В первые сутки после солнечного дня бригада могильщиков смогла закопать только 295 трупов, неубранных оставив на второй день. Новый день дал новую смертность и т. д.

Сразу же после снега и мороза начались дожди и холодные ветры, но люди все еще оставались без питания. И только на четвертый или пятый день прибыла на остров ржаная мука, которую начали раздавать трудпоселенцам по чесольку сот граммов.

Получив муку, люди бежали к воде и в шапках, портнянках, пиджаках и штанах разводили болтушку и ели ее. При этом огромная часть их просто съедали муку (так, как она была, в порошке), падали и задыхались, умирали от удушья.

Всю свою жизнь на острове (от 10 до 30 суток) трудпоселенцы получали муку, не имея никакой посуды. Наиболее устойчивая часть пекла в костре лепешки. Кипятка не было. Кровом оставался тот же костер. Такое питание не выправило положения. Вскоре началось изредка, а затем в угрожающих размерах людоедство. Сначала в отдаленных углах острова, а затем, где подвертывалася случай. Людоеды стрелялись конвоем, уничтожались самими поселенцами.

Однако наряду с этим известная часть жила сносно, хотя и не имела, как и все, жиров, а одну муку. Такое положение объяснялось методами организации всех этих людей. На острове был комендант (Шихилев), стрелки ВОХР* и медработники и, конечно, капитенармусы. Наряду с людоедством комендатурой острова были зарыты в землю тысячи килограммов муки, т. к. она находилась под открытым небом и испортилась от дождей. Даже та мука, которая выдавалась трудпоселенцам, попадала не всем. Ее получали т. н. бригады, т. е. отъявленные преступники. Они получали мешки муки на «бригаду» и уносили их в лес, а бригада оставалась без пищи. Неспособность или нежелание организовать обслуживание людей дошли до того, что когда впервые привезли на остров муку, ее хотели раздавать пятисычной массе в порядке индивидуальном, живой очередью. Произошло неизбежное: люди скрутились у муки и по ним была произведена беспорядочная

* В О Х Р — войска внутренней охраны.

стрельба. При этом было меньше жертв от ружейного огня, чем затоптано, смято, вдавлено в грязь.

Надо полагать, комендатура острова и ее военные работники, во-первых, мало понимали свои задачи по отношению людей, которые были под их началом и, во-вторых, растерялись от разразившейся катастрофы. Иначе и нельзя расценивать систему избиений палками, особенно прикладами винтовок, и индивидуальные расстрелы трудпоселенцев. Приведу один пример расстрела, потому что он ярко характеризует попытки «организовать» людей: один трудпоселенец попытался два раза получить муку (мука выдавалась кружками, чайными чашками), [но] был уличен. «Становись вон там», — скомандовал стрелок Ходов. Тот встал, на указанное место, в сторонке. Ходов выстрелил и убил наповал (он убил многих, но сейчас рассчитан по личной просьбе).

Такие методы руководства и воспитания явились очень серьезной поддержкой начавшемуся с первых же дней жизни на острове распаду какой бы то ни было человеческой организации.

Если людоедство явилось наиболее острым показателем этого распада, то массовые его формы выразились в другом: образовались мародерские банды и шайки, по существу царившие на острове. Даже врачи боялись выходить из своих палаток. Банды терроризировали людей еще в баржах, отбирая у трудпоселенцев хлеб, одежду, избивая и убивая людей. Здесь же на острове, открылась, настоящая охота и в первую очередь за людьми, у которых были деньги или золотые зубы и коронки. Владелец их исчезал очень быстро, а затем могильщики стали зарывать людей с развороченными ртами.

Мародерство захватило и некоторых стрелков, за хлеб и махорку скапавших золото, платье и др. По острову установились цены: новое пальто — 1/2 булки или 1 пачка махорки, 1 пачка махорки — 300 руб., два золотых зуба или четыре коронки или два золотых.

Моментами, стимулирующими эту сторону и усиливающими смертность, явилось отсутствие какого бы то ни было физического производственного труда: За все время пребывания на острове трудпоселенцы ничего не делали. Тот, кто не двигался или мало делал движений, умирал.

В такую обстановку попал и второй эшелон, быстро воспринявший порядки острова. В конце мая (25—27) началась отправка людей на т. н. участки, т. е. [в] места, отведенные под поселки.

III

Участки были расположены по р. Назина за 200 километров от устья: [к ним] поднимались на лодках. Участки оказались в глухой необитаемой тайге, также без каких бы то ни было подготовительных мероприятий. Здесь впервые начали выпекать хлеб в наспех сооруженной одной пекарне на все пять участков. Продолжалось то же ничегонеделание, как и на острове. Тот же костер, все то же, за исключением муки. Истощение людей шло своим порядком. Достаточно привести такой факт. На пятый участок с острова пришла лодка в количестве 78 человек. Из них оказались живыми только 12.

Смертность продолжалась.

Участки были признаны непригодными, и весь состав людей стал перемещаться на новые участки, вниз по этой же реке, ближе к устью.

Бегство, начавшееся еще на острове (но там было трудно: ширма Оби, шел еще лед), здесь приняло массовые размеры. В ход пошли различные провокации. Важнейшие из них две: — решено истребить 200000 (или 20000) деклассированного элемента (добавляли «так как нет войны»); в 70 километрах (или в 40 километрах) железная дорога. Последняя провокация «подтверждалась» тем, что на одном из участков в ясные зори слышалась отдаленная гармонь, крик петуха и звуки, подобные гудку. Это был крохотный поселок, от которого участки отделяло непроходимое болото. Люди, не зная, где они, бежали в тайгу, плыли на плотах, погибали там или возвращались обратно.

IV

После расселения на новых участках приступили к строительству полуzemляных бараков, вошебоек и бани только во II-й половине июля. Здесь еще были остатки людоедства, и на одном из участков (№ 1) закапывались в землю испорченные мука и печ[еный] хлеб, портилось пшено на другом (уч. № 3).

Жизнь начала входить в свое русло; появился труд, однако разстройство организмов оказалось настолько большим, что люди, съедая по 750—800—900—1000 грамм[ов] (паек) хлеба, продолжали заболевать, умирать, есть мох, листья, траву и пр. Наряду с присылкой сюда прекрасных коммунистов, взявшимся за дело как следует, оставались комендантами и стрелками разложившиеся элементы, творившие над трудпоселенцами суд и расправу: избиение, узурпаторство, убийства людей,— бездушные в отношениях к ним, мат и произвол — не редкие явления. [Приведу] такие факты. Команданты Власенко и Понасенко избивали трудпоселенцев. Стрелок Головачев за похищение одной рыбинки в пуги следования лодки избил трудпоселенца и приказал ему умыться. Когда это было выполнено, приказал прыгнуть с лодки. Трудпоселенец прыгнул и утонул. Командант Асямов, живя с женщинами-трудпоселенцами, на днях изранил дробью одного трудпоселенца, удившего рыбу, и скрыл этот факт от проезжавшего по участкам командования. Командант Сулейманов, кроме того, что избивал людей при выдаче трудпоселенцам сахара, поедал его (на глазах у всех) в невероятно больших количествах и теперь, по его собственному заявлению, потерял всякий вкус. Помимо этого он брал гребцов-трудпоселенцев и катался на лодке.

Будь люди поворотливее, смертность можно было сократить до минимума, т. к. она происходила главным образом от поноса. Однако, несмотря на строжайшие приказы командования, сухари больным не выдавались, тогда как сухарь спас бы сотни людей, потому что отсутствовали всякие медикаменты, ощущалась острая потребность в вяжущих (против поноса) средствах. При этом огромный запас галетов лежал в палатках и [на] базах, т. к. не было указания, могут или нет пользоваться этими галетами больные. Такая история случилась и с сушеной картошкой и с листовым железом, тогда как наступили осенние холода, а больные лежали в палатках, а затем в бараках без окон и дверей. Можно привести факты прямой провокации: несмотря на то, что поселки в тайге, больные лежали на земле, а та часть, которая помещалась на нарах, из палок, лежали на мху, в котором немедленно заводились черви. Или [другой пример]: обмундирование висело в

складах, а люди голы, босы, заедались сплошной вшивостью. Нужно заметить, что все описанное так примелькалось наче-
таву и работникам большинства участков, что трупы, которые лежали на тропинках, в лесу, плыли по реке, прибивались к берегам, уже не вызывали смущения. Более того, человек перестал быть человеком. Везде установилась кличка и обращение — ШАКАЛ.

Нужно отдать справедливость, что взгляд этот последовательно осуществлялся в ряде случаев. Например, 3 августа с Назинской базы на уч. № 5 была отправлена со стрелком т. Шапита лодка с людьми. Их нигде не снабдили, и они оставались голодом, проезжая участки, прося хлеба. Им нигде не давали, и из лодки на каждом участке выбрасывали мертвых. На 5-й участок прибыло 36 [человек], из них мертвых 6 [человек]. Сколько человек выехало, так и не удалось установить.

▼

В результате всего из 6100 чел., выбывших из Томска, и плюс к ним 500—600—700 чел. (точно установить не удалось), переброшенных на Назинские участки из других комендатур, на 20 августа осталось 2200 человек.

Все это, особенно остров, осталось неизгладимой метой у всех трудпоселенцев, даже у отъявленного рецидива*, видавшего виды на своем веку. Остров прозван «Островом смерти» или «Смерть-остров» (реже — «Остров людоедов»). И местное население усвоило это название, а слух о том, что было на острове, пошел далеко вниз и вверх по рекам.

Трудпоселенцы сложили об острове свои песни. Приведу несколько отрывочных мест:

- 1) Трудно нам братцы в Нарыме.
Трудно нам здесь умирать.
Как пришлось на Острове смерти
Людоедов нам всем увидеть...

(Из песни «На острове смерти»)

- 2) Боженька, боженька миленький,
Дай мне ножки до весны.

(Дело в том, что у людей страшно опухали и еще опухают ноги).

- 3) Не придет мать с горячей молитвою
Над могилой сына рыдать,
Только лес свою песню Нарымскую
Будет вечно над ней напевать...

(Из песни «Между топких болот»)

И. т. д. и т. п.

На острове сейчас травы в рост человека. Но местные жители ходили туда за ягодами и вернулись, обнаружив в траве трупы и шалаши, в которых лежат скелеты.

* Имеются ввиду рецидивисты.

Не только все это заставило меня писать Вам. Беда еще в том, что среди прибывших на трудовое поселение есть случайные наши элементы. Главная их масса умерла, потому что была менее приспособлена к тем условиям, которые были на острове и на участках, и, кроме того, на этих товарищах прежде всего упала тяжесть произвола, расправ и мародерства со стороны рецидива как в баржах, так и на острове и в первое время на участках.

Сколько их — трудно сказать. Так же трудно сказать кто [они], потому что документы, по их заявлению, отбирались и на местах ареста органами, производившими изоляцию, и главным образом в эшелонах рецидивом на курение. Однако некоторые из них привезли с собою документы: партийные билеты и кандидатские карточки, КСМ* билеты, паспорта, справки с заводов, пропуски в заводы и др.

17 и 30 июля пришли эшелоны с деклассир[ованным] элементом ч. р. Наню и ее притоки.

Особенно много таких людей именно в комендатурах этой реки и ее притоков.

Со слов самих людей, из бесед с ними можно привести такие факты неправильной ссылки людей:

Река Назина

1. **Новоожилов Вл.** — из Москвы. Завод «Компрессор». Шофер. 3 раза премирован. Жена и ребенок в Москве. Окончив работу, собрался с женой в кино; пока она одевалась, вышел за папиросами и был взят.

2. **Гусева** — пожилая женщина. Живет в г. Муроме, муж — старый коммунист, глав[ный] конструктор на ст. Муром, производственный стаж 23 г., сын — помощник машиниста там же. Гусева приехала в Москву купить мужу костюм и белого хлеба. Никакие документы не помогли.

3. **Зеленин Григорий** — Работал учеником слесаря Боровской ткацкой фабрики «Красный Октябрь», ехал с путевкой на лечение в Москву. Путевка не помогла — был взят.

4. **Горштейн Гр.** — Член КСМ с 1925 г. Отец — член ВКП(б) с 1920 г., рабочий газового завода в Москве. Сам Горштейн тракторист совхоза Панишково в Верх-Нечинске. Ехал к отцу. Взят на вокзале, [когда] только что сошел с поезда. Документы были на руках.

5. **Фролов Арсентий** — Член КСМ с 1925 г., отец — член ВКП(б), подпольщик, работает врачом на ст. Суземка Западной области. Сам Фролов взят в Сочи на курортном строительстве «Светлана» (работал плотником), [когда] шел с работы (брать в Вязьме работник ОГПУ).

6. **Карпухин Мих. Як.** — Ученик ФЗУ** № 6 на Сенной (г. Москва). Отец — москвич, и сам Карпухин родился в Москве. Шел из ФЗУ после работы домой и был взят на улице.

7. **Голенко Никифор Павлович** — старик. Из Хоперского округа, ехал через Москву к сыну на ст. Богашево Курской ж. д. [в] совхоз «Острый». Взят на вокзале.

8. **Шишков** — рабочий фабрики «Красный Октябрь» в Москве;

* Коммунистический союз молодежи.

** ФЗУ — фабрично-заводское училище.

на этой фабрике работал беспрерывно 3 года. Взят на улице, возвращаясь с работы.

9. **Виноградова** — колхозница из ЦЧО*. Ехала к брату в Москву. Брат — начальник милиции 8 отделения. Взята по выходу из поезда в Москве.

10. **Адарюков Константин** — член бюро КСМ ячейки строительства Главного военного порта в Керчи, поехал к матери в Грибово (Подмосковье). Из Грибово поехал в Москву и взят по прибытии поезда.

11. **Глухова Фаина** — строитель-десятник Ташкентского загородного. Получив очередной отпуск, ездила к дяде в Ленинград. По окончании отпуска, возвращаясь на работу в Ташкент, была взята в Москве с документами и ж. д. билетом.

12. **Назин** (сейчас при участковой комендатуре в с. Александрово). Помощник начальника пожарной охраны Большого театра, один из работников пожарной охраны Кремля. Взят на улице. Пропуск в Кремль ничего не помог.

Пос. «Новый путь» на притоке р. Пани

1. **Войкин Ник Вас.** Член КСМ с 1929 г., рабочий фабрики «Красный текстильщик» в Серпухово. Член бюро цеховой ячейки, кандидат в члены пленума фабричного комитета КСМ, много раз ездил на хозяйствственно-политические кампании по командировкам МК** КСМ. 3 раза премирован. В выходной день ехал на футбольный матч. Паспорт оставил дома.

2. **Сивов Пав. Ив.** Ученик ФЗУ «Промвентиляция» в Москве на Ульяновской. Прописан у брата как малолеток. Паспорта не имел. Шел из ФЗУ с работы домой.

3. **Шмелев** — член КСМ с 1933 г., рабочий завода № 24 имени Фрунзе в Москве. Плотник. Паспорт должен был получить через 2 дня. Было соответствующее удостоверение. Шел с работы.

4. **Ткачев Пав. Алекс.** — член КСМ с марта 1933 г., [билет] 1387815. Взносы уплачены по август 1933 г., о чем отмечено и отметка закреплена печатью детдома им. ВЦИК (билет на руках, выдан Сокольниками РК*** ВЛКСМ). Воспитанник детдома им. ВЦИК в Москве. Детдом выехал в лагеря на ст. Пушкино. С соответствующими документами администрацией детдома Ткачев был послан вместе с другим воспитанником Васильевым за инструментами духового оркестра, которые были оставлены в Москве. Взят по прибытию поезда в Москву. Отец в Москве, страж, адрес отца: ул. Драгомилова, 2-ой Брянский переулок, д. № 14, кв. 5.

5. **Васильев Зосим Вл.** — член КСМ с 1930 г. Секретарь ячейки КСМ детдома имени ВЦИК в Сокольниках. Попал в Нарым, так же как и Ткачев, вместе с Ткачевым.

6. **Таратынов Никанор Андр.** — член КСМ с 1930 г. Секретарь ячейки КСМ колхоза «Оборона страны» Белховского района ЦЧО. Приехал в Москву 4 июня за хлебом.

7. **Остротюк Ив. Соловьевич** — член КСМ с 1931 г., был у брата в г. Горьком (строительство моста через Волгу). Ехал через

* ЦЧО — Центрально-Черноземная область.

** МК — Московский комитет.

*** РК — Районный комитет.

Москву домой, в свой колхоз, с. Сингаевка Бердичевского района Винницкой области. Взят в Москву.

8. Поняев Василий Евдокимович — род[ился] в 1885 г. Рабочий, выдвиженец. Десятник горных работ, Донбасс, Чистяковский район, Снежнянское рудоуправление, шахта № 4. После операции в связи с травматическим случаем получил отпуск. Ехал домой через Москву (в Донбассе с 1919 г.).

9. Матвеев Ив. Мих. — рабочий постройки хлебозавода № 9 — МОСПО*. Имел паспорт до декабря 1933 г. как сезонник. Взят с паспортом. По его словам, «даже паспорт никто не захотел смотреть».

10. Клещевников Георгий Петр. Приехал в Москву с путевкой в школу циркового искусства (рабочий завода тракторных деталей в Саратове).

11. Черкасов Вл. Фед. — рабочий завода № 24 им. Фрунзе в Москве, токарь. Работал на заводе 4,5 года. Взяли на вокзале, возвращался из деревни, куда ездил выяснять, почему не принимают в колхоз его мать.

12. Трофименко Никита Никитович — рабочий метростроя в Москве, имел паспорт как сезонник, шел с работы в общежитие.

13. Серов Давид Петрович — мальчик. Взят в Арзамасе. Отец работает на станции Арзамас ремонтным рабочим на жел[езной] дороге.

14. Тарабрин Петр Мих. — моторист Казкрайрыбаксоюза в г. Астрахани. Получив отпуск, приехал в Москву к тетке в гости.

15. Балиев Вал. Самсудович — кандидат ВКП(б) с 1931 г. Ехал через Москву в Троицк, переходил с вокзала на вокзал с вещами. Взят на этом пути.

16. Гусев Степан Петрович — чл[ен] ВКП(б) с 1932 г. Вступил в Туапсе, билет выдан Туапсинским горкомом. Ехал через Москву на родину. Были все документы.

17. Мосаликин Никол. Як. — кандидат ВКП(б) с 1932 г. Бригадир колхоза в с. Неведомый Колодезь Томаровского района, Белгородского округа. Приехал в Москву за хлебом для колхоза.

18. Карасев — чл[ен] ВКП(б), рабочий завода им. Сталина в Москве (бывший АМО), шофер-механик. Взят по выходе из своего ЗРК**, где он брал хлеб. На АМО работал с 1929 г. Чл[ен] партии с 1923 года.

Часть партийных и комсомольских документов в данное время хранится в Александровском райкоме ВКП(б) и в Александровско-Валорской участковой комендатуре Сиблага ОГПУ.

Есть люди, завербовавшиеся для работы на окраинах СССР, получили подъемные (по их словам, конечно) и, несмотря на наличие на руках исчёрпывающих документов, во время проезда Москвы взяты. Все эти люди не могут обжаловать [свой арест]: нет бумаги (даже денежные документы работники комендатуры пишут на бересте).

Несколько замечаний по поводу приведенных фамилий: 1) есть еще два поселка на самой реке Пане, где я не был и не могу привести фамилии; 2) приведенные фамилии не являются ни наиболее яркими, ни типичными, ни наименее показательными, потому что у меня была возможность записывать их поскольку они выявлялись сами только; 3) список я привел не для того, чтобы

* МОСПО — Московское потребительское общество.

** ЗРК — Заводской рабочий кооператив.

сообщить, кто именно, персонально и сколько их заключены неправильно, а для того, чтобы показать, какие есть элементы; 4) много колхозников, завербованных на строительство по договорам строительных организаций с колхозами; эти колхозники следовали через Москву на место работ вместе с вербовщиками; 5) приведенные данные обо всех этих людях и обстоятельствах их изоляции безусловно нельзя брать за чистую правду. Однако они являются внушительным аргументом за необходимость проверки.

VII

Тяжелые условия на реке Назиной в данное время ликвидированы, также на поселке Новый путь они ликвидированы в значительной мере. На днях весь трудоспособный контингент всех лагерей Александровско-Ваховской участковой комендатуры отправляется обратно в Томск для распределения по лагерям Сиблага.

Сколько стоит вся эта операция, почему сорвано трудовое поселение и освоение севера на этом участке и сорвано с таким скандалом — скажет кто-нибудь, наверное.

VIII

Я трезво отдаю себе отчет в том, что написать такое письмо — значит взять на себя большую ответственность. Я допускаю, что ряд моментов изложены не точно, могут не подтвердиться или подтверждаться, но не полностью, допускаю, что многого я просто не знаю — потому что пользовался не официальными источниками, но я рассуждаю так: еще хуже молчать.

Инструктор-пропагандист
Нарымского ОК ВКП(б)

n/b № 0950224

(Величко)

№ 2

Постановление
бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) по заявлению
т. Величко

Особая папка

г. Новосибирск

15 сентября 1933 г.

Для расследования всех фактов и безобразий и точного установления виновников создать комиссию в составе т.т. Ковалева (пред[седатель]), Курдова (прокуратура), Сорокина (ПП ОГПУ), Арнаутовского (представител[ель] Главного управления лагерей).

Поручить комиссии выехать на место немедленно.

Принять к сведению заявление т. Алексеева, что он совместно с т. Берманом дал указание проводить дополнительную и тщательную проверку всех жалоб и заявлений.

Докладная записка комиссии по расследованию заявления Величко, адресованная в ЦК ВКП(б), председателю ЦКК ВКП(б) Я. Э. Рудзутаку, секретарю Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р. И. Эйхе

г. Новосибирск

31 октября 1933 г.
Сов. секретно

По поручению Западно-Сибирского краевого комитета партии комиссия в составе т.т. Ковалева М. И. (крайKK), Курдова (краевая прокуратура), Сорокина (ПП ОГПУ), Арнаутовского (представителя ГУЛАГа), ознакомившись и исследовав на месте все факты, изложенные в известном ЦК и крайкому письме тов. Величко, установила, что приведенные факты в письме в основном подтвердились.

Чтобы осветить более полно весь ход проведения работы по вселению в Нарымский край деклассированного контингента людей, необходимо остановиться на характеристике той подготовительной работы, которая проходила по всей системе Сиблага.

По решению центральных организаций в Запсибкрай предполагалось вселение большого количества трудпоселенцев, и контрольные цифры с февраля м[еся]ца до июня включительно неоднократно (до 9 раз) менялись, первоначальная цифра в миллион человек была доведена в конце концов до 100 тыс. человек.

11 марта тов. Алексеевым Н. Н. (ПП ОГПУ) и т. Горшковым (Сиблаг) на имя тов. Бермана (в Москву) посыпалася записка по прямому проводу, в которой подробно указываются точки расселения на пятьсот тысяч людей и ставится ряд требований о заброске в край хозяйственного, вещевого и продовольственного снабжения, авансирования средствами и подброски людей для проведения операции.

Но, как потом оказалось, что не только удовлетворение запросов по этой записке, но и сами партии высылаемых из центра людей отправлялись в очень скверном состоянии: по этому поводу рядом телеграмм на имя тов. Ягоды и Бермана (Москва, ОГПУ) [Центральное руководство] ставилось в известность, что прибывающие «люди крайне истощены, продовольствием пути следования снабжены только хлебом 300 грамм сутки, горячей пищи пути следования до Новосибирска не получали, собственных запасов продовольствия не имели, на месте отправки нарушаются данные Вами указания...» (Телегр[амма] от 30/IV—33 г. № 0188).

Независимо от того, что шла продолжительное время утряска с количественным составом вселяемых, комиссия считает, что Сиблаг в основном все же был ориентирован на то, что к нему будут направляться в общем количестве элементы городского типа, высылаемые в результате проведения паспортизации. Зная это и что люди уже начинают поступать, Сиблаг не перестроился на ходу, чтобы принимать и обслуживать деклассированный элемент.

Почти все время своей подготовки аппарат и руководство Сиблага готовились к приему, расселению в такой же мере и степени, как это ими делалось при проведении операций по вселению кулацких хозяйств, прибывавших на пункт выселения с домашней утварью и проч. предметами хозяйственного обихода.

Совершенно не было принятых необходимых практических мероприятий к тому, чтобы гарантировать нормальное проведение операции по вселению деклассированного элемента.

10 апреля 1933 г. Сиблагом была получена телеграмма от т. Бермана, что «шестого апреля Москвы отправлено 608 деклассированных назначением Томск трудпоселки...»

Прибывающие партии нового контингента направлялись в Томскую пересыльную комендатуру, откуда они должны были с открытием навигации отправляться на север. Одновременно Сиблагом были даны указания по всем северным комендатурам о том, что в их районы будут направляться новые контингенты, почему

и предлагалось провести ряд подготовительных мероприятий. В этих указаниях дана была установка, что в комендатуры будут направляться категории лиц так называемых «одиночек» и «штрафников». В этом же разрезе были информированы и подготовлены к приему нового контингента все коменданты, созванные на мартовское совещание при Сиблаге.

С половины апреля до половины мая [месяца] в Томскую пересыльную базу поступило свыше 25 тыс. трудпоселенцев из различных мест Союза (Москва, Ленинград, Сочи, Северный Кавказ, ЦЧО*, Нижняя Волга и др.). В течение всего периода пребывания этой массы в Томске в ожидании дальнейшей отправки на север Сиблагом совершенно не было принято никаких мер к тому, чтобы при последующем расселении этих людей по комендатурам это расселение производилось таким образом, чтобы посылаемые туда люди были хотя бы в минимальной степени снабжены элементарно необходимыми предметами хозяйственного обихода и средствами производства (строительные инструменты и т. д.). Вся эта масса также не была достаточно обмундирована для того, чтобы она могла переносить безболезненно суровые климатические условия севера.

В Томской пересыльной комендатуре трудпоселенцы содержались в помещении складского типа, в довольно скученном виде и обслуживание их было поставлено настолько безобразно и отвратительно, что благодаря этому были отдельные экзекуссы на почве отсутствия воды и неудовлетворения других необходимых бытовых нужд. Абсолютное большинство всех прибывающих на переселенческий пункт из-за плохого продовольственного снабжения их в пути пришло на Томский пункт в физически подорванном состоянии: истощенных, перенесших болезни и очень много больных. Если принять во внимание, что эти люди были весьма плохо одеты, некоторые совершенно раздеты, некоторые в отрепьях, то общее состояние отправляемых надо признать явно неудовлетворительным. Естественно, что весь этот контингент, прибывший в таком состоянии, требовал по отношению к себе особых мер в смысле поправки здоровья, питания, снабжения обмундированием, необходимого лечения и проч.

Надо отметить, что Сиблагом в отношении снабжения содержания этапируемых в пути были даны директивы, предусматривающие не только снабжение продовольствием на время пребывания в пути, но и необходимые запасы на первое время по прибытию на место. Так, например, в конкретном случае в отношении отправляемого эшелона трудпоселенцев в Александровскую комендатуру пом. нач. Сиблага тов. Долгих была дана директива от 30/IV—33 г. Томскому коменданту Кузнецкову, чтобы он подготовился к отправке партии деклассированных «одиночек» на Александровскую комендатуру, выделив необходимую охрану, которая должна была быть оставлена в Александровской комендатуре, а также снабдить всю партию этапируемых продовольствием на все время нахождения в пути, кроме того, дать 15 дневный запас. 7 мая было дано дополнительное распоряжение всем комендатурам, где было указано о необходимости увеличения этапируемых эшелонов месячным запасом продовольствия из расчета со дня прибытия эшелона из места расселения.

Комиссия, ознакомившись со всеми указаниями инструктивного порядка и приказами со стороны руководства Сиблага комендан-

* Центральная черноземная область.

там о порядке расселения нового контингента трудпоселенцев по комендатурам севера, считает, что эти указания страдают одним общим недостатком — отсутствием указания на необходимость специального подхода комендатур к снабжению, отправке и приемке этапируемых деклассированных элементов.

Если в инструкциях Сиблаг уделял внимание и подчеркивал необходимость снабжения продовольствием на время следования в пути, указывал на подготовку необходимых складских баз и др. помещений, то таким, казалось бы, необходимым элементарным вещам, как снабжение этапируемых предметами хозяйственного обихода, ложками, кружками, бачками и т. д., а также необходимыми на первое время инструментами для строительства (лопаты, топоры и т. д.) — этой стороне снабжения трудпоселенцев не было уделено должного внимания, и это обстоятельство в последующем в отношении первого устройства высылаемых на места сыграло решающую роль.

Останавливаясь конкретно на прохождении той партии высылаемых трудпоселенцев в Александровскую комендатуру, партии, которая проходила через остров Назино, комиссия установила, что первая партия в количестве 4900 чел. была в Томске комендантом Кузнецовым нагружена в две баржи, совершенно неприспособленные для людских перевозок. Эти баржи были оборудованы только парашами и кадками для питьевой воды и внутри была устроена перегородка, отделяющая мужчин от женщин.

Весь народ был посажен внутрь баржи и за все время следования до места разгрузки никто не выпускался на верх, чтобы подышать чистым воздухом. Назначенный для препровождения эшелона начальником Колубаев, который до этого был помощником коменданта Кузнецова, получил от последнего указание, что он должен останавливаться только в случае крайней необходимости (погрузка дров и др.) и должен безостановочно следовать к месту назначения в Александро-Ваховскую комендатуру на Верх-Вартовскую пристань. Одновременно с погрузкой Кузнецов снабдил этот караван печеным хлебом, исходя из расчета 5-сугодного следования, также был дан месячный запас муки, крупы, соли и сахара.

Одновременно с отправкой каравана Кузнецов дал телеграмму в Колпашево уполномоченному Сиблага по Нарымскому округу тов. Белокобыльскому, что им отправлен караван с назначением в Верх-Вартово, Александровскую комендатуру, и что караван снабжен полностью продовольствием с месячным запасом.

Окружком партии (секретарь ОК т. Левиц), узнав через тов. Белокобыльского (уполномоченный Сиблага по Нарымскому округу), что в Александро-Ваховскую комендатуру направлено такое количество деклассированного элемента, послал протест Сиблагу о нецелесообразности направления каравана в Александро-Ваховскую комендатуру, т. к. она не подготовлена для приема.

На этот протест Сиблагом, в лице тов. Горшкова была послана телеграмма, указывающая, что сведения о неподготовленности комендатуры являются неточными и о приеме каравана дано указание коменданту Цепкову встретить караван лично.

При прохождении каравана мимо Колпашево Белокобыльский через посланного им инспектора Новгородцева пытался этот караван задержать с тем, чтобы окончательно выявить положение каравана и дальнейшее его направление в связи с заявленным протестом. Но начальник каравана Колубаев не подчинился распоряжению тов. Белокобыльского, и караван проследовал дальше.

ПОДГОТОВКА АЛЕКСАНДРО-ВАХОВСКОЙ КОМЕНДАТУРЫ

Комиссия ознакомилась с ходом подготовки к приему на поселение деклассированного контингента со стороны Александро-Ваховской комендатуры, лично коменданта Цепкова. Устанавливается, что до самого последнего времени Цепков вел подготовку к приему исключительно так называемых «одиночек» и «штрафников» из кулаков, и он эту приемку наметил произвести в трех пунктах рядом со старым спецпереселенческим населением.

Получив извещение Сиблага о направлении к нему 3 тыс. человек деклассированного элемента, Цепков внес на суженое закрытое совещание при орготделе райкома партии вопрос о выборе места приемки. На этом совещании решено было принять партию около деревни Пролетарка, находящейся в 30 км от речки Назинской, куда в последующем должны быть расселены трудпоселенцы. На этом же совещании Цепкову было предложено выехать на место для встречи каравана и организации хозяйственных мероприятий.

Только 12 мая, после очищения реки от льда, Цепков получил возможность выехать навстречу каравану, который он нашел около Верх-Бартовской пристани. Поездом навстречу каравану Цепков установил, что остров, расположенный почти в устье речки Назино, остался незатопленным водой. Встретившись с караваном и ознакомившись с контингентом, он самолично решил разгрузить караван вместо деревни Пролетарка на острове Назино.

Надо отметить, что как деревня Пролетарка, так и остров Назино в одинаковой степени совершенно не были подготовлены к приему прибывших людей. Расселение по речке Назино было предположено на старом Райтровском поселке, на расстоянии около 50 километров от устья, где имелись незначительные постройки для небольшого количества людей.

18/V вечером первый прибывший караван целиком был высажен на остров Назино, который представляет собой обычный на Оби необжитый земельный участок, заросший травой, кустарником, ветлами и березняком, заливаемый при большом подъеме воды.

КАК ПРОИСХОДИЛА РАЗГРУЗКА КАРАВАНА

Прибывшие люди сажались на берег без всякой персональной проверки по спискам и карточкам, которые шли вместе с ними, а высаживались по счету. Так как в пути следования люди все время находились в закрытом помещении внутри баржи, в ужасающей тесноте и грязи, питались исключительно сухим пайком, не имея горячей пищи и кипятка, то по прибытии на остров Назино оказалось значительное количество, которые были не в состоянии самостоятельно подняться и выйти на берег, и они были вытащены на сушу с помощью наиболее крепких. 27 мая пришла вторая партия с 1174 чел., которая была таким же порядком, как и первая партия, высажена на остров. Таким образом через остров прошло 6074 человека.

По высадке на остров люди были предоставлены самим себе. Они рассыпались по острову в поисках убежища, занялись устройством шалашей из травы и кустарника, рытьем ям, разводили

костры и размещались около костров. Запасы продовольствия и охрана были размещены напротив острова в дер. Назино, а на остров был выделен наряд для охраны небольшого количества продовольствия и общего наблюдения. В день прибытия каравана на остров Назино погода была хорошая и отдельные люди даже пытались купаться. Но 20 мая погода резко изменилась, подул холодный ветер и выпал снег глубиной до четверти. Похолодание держалось приблизительно до первой половины июня м[есяца]. Естественно, что истощенные и полуголые люди, не снабжаемые горячей пищей, сразу очутились в бедственном положении, начались повальное заболевание и резко усилилась смертность людей. Это положение усугубилось еще тем, что совершенно не было организовано котлового питания и снабжения печеным хлебом, вместо которого выдавалась мука. Раздача муки производилась кулями на определенное количество людей. Из муки люди делали болтушку или глотали ее сухой или же делали из нее лепешки, которые поджаривали на огне.

При раздаче муки существовало право сильного, слабых обделяли, а некоторые совершенно не получали, и обнаглевшая часть так называемых «Иванов» занялась мародерством, являясь хозяевами положения на острове и «дряном» избивала людей.. При выдаче муки создавалась давка, во время которой часть людей оказалась задавленной.

Указанные факты в письме Величко о людоедстве также имели место. Со стороны органов ОГПУ впоследствии были выявлены, арестованы и осуждены виновные в людоедстве (11 человек). Надо отметить, что комиссия путем опроса как местных работников комендатуры и района, также и очевидцев из трудпоселенцев совершенно не установила случаев, указывающих на то, что людоедство имело место из-за голодных побуждений. Комиссия считает, что людоедством занимался исключительно садистский элемент.

Последующее переселение всех людей с острова Назино производилось в течение июня м[есяца] на отведенные участки по речке Назино, причем надо отметить, что и на этих участках также ничего не было приготовлено в смысле строительства для размещения людей, которые бы там могли жить в примитивных баракочно-земляных жилищах. Люди на отведенных участках также жили у костров, в шалаших, землянках, прикрытых ветками, травой и дерном, и только при вторичном переходе на новые участки ближе к устью реки Назино было развернуто строительство бараков полуземляного типа. Это дело относится уже к концу июля м[есяца].

Естественно, что в таких условиях продолжались заболеваемость и смертность людей.

ПОБЕГИ

Как на самом острове, так и при переселении на Назинские участки наблюдалась массовые побеги. Люди бежали, делая примитивные плоты из жердей и бревен, на них спускаясь по речке Назино и Оби, или же уходили группами в тайгу. Впоследствие по берегам речки Назинской и р. Оби было выловлено очень много трупов. Также находили трупы в тайге, около озер и в болотах.

РАБОТА КОМИССИИ

По приезде в окружной центр Колпашево комиссия устроила совещание узкого актива, членов бюро, президиума ОкрКК*, и на этом совещании были заслушаны информации всех организаций, связанных с делом расселения, и о событиях на острове Назино, о положении труднопоселенцев на местах в данное время. Надо отметить, что как в этих информационных, так и в материалах окружных организаций мы не услыхали сведений, говорящих о тяжелом положении труднопоселенцев в данное время; скорее получилось так, что окружные организации не знали действительного состояния, ибо что мы обнаружили потом для представителей округа, ездивших с нами на участки, явилось большой неожиданностью.

27/IX при помощи Березовской пересыльной базы нами обнаружена была группа в 682 чел. труднопоселенцев, присланных 14/IX из Томской пересыльной комендатуры для размещения в Колпашевской комендатуре. Группа состояла из детей до 14 лет возраста — 250 чел., подростков — 24 чел., мужчин — 185 чел. и женщин — 213 чел. Эта группа была размещена частью в холодном полуузакрытом сарае, а часть прямо под открытым небом около костров. Среди них было много больных, и за 13 дней уже умерло 38 чел. Мы немедленно дали указания комендантцу о переселении этих людей на постоянные участки, а также сообщили в окружной центр о том, чтобы была организована следственная комиссия по выявлению виновников в безобразной отправке людей и отборе неправильно высланных.

По нашему сообщению, распоряжением тов. Алексеева, райкомандант Бейман отдан под суд за Березовскую историю.

По прибытии в Александровский район мы посетили остров Назино. При осмотре его мы там нашли только 31 братскую могилу. По заявлению местных работников комендатуры и райкома партии, в каждой из этих могил закрыто от 50 до 70 трупов. Вообще же учета, какое точно количество людей похоронено на острове Назино и кто именно по фамилии, таких сведений нигде нет.

При посещении комиссией Назинских участков (их к приезду комиссии было 4) мы натолкнулись на такие возмутительно безобразные факты жизни труднопоселенцев на этих участках, которые являются своего рода продолжением той же Назинской истории, но только не на острове, а уже на участках, предназначенных для постоянного обжития их поселенцами.

В полуземляных бараках мы обнаружили большую скученность людей, полураздетых, истощенных, грязных. К нам посыпалась куча словесных заявлений, что их плохо кормят, что они раздеты и разуты, что с ними грубо обращаются охраняющие их стрелки и так называемая «самоохрана», а от многих посыпались заявления, что они совершенно напрасно и невинно сюда высланы, как не имеющие никакой судимости и не привлекавшиеся к ответственности, имевшие паспорта.

Внутреннее оборудование бараков заключалось в том, что были устроены нары из жердей и поставлены железные печи или выложены камелькой, причем люди кучей грелись около этих печей, а не сидели на нарах. На нарах отсутствовали какие бы то ни

* Окружная контрольная комиссия.

было признаки постельных принадлежностей; на них не было даже в достаточном количестве травы; люди в изорваной грязной одежде, свернувшись, лежали на голых жердях и кучками ютились и грелись около печей. Снаружи около бараков там и тут были разведены костры, вокруг которых также кучками сидели и грелись люди. На наш вопрос, почему они греются около костров, а не идут в бараки, они отвечали, что в бараках холодно, а около костров теплее. Местная же администрация объясняла это просто привычкой этих людей, что они, дескать, и в прошлом привыкли всегда жить около костров.

При обмотре бараков, в которых были помещены больные, мы обнаружили точно такую же картину преступно безобразного отношения к содержанию больных, которые лежали вповалку, точно на таких же нарах из жердей, с той лишь разницей, что они лежали не на голых нарах, а на траве, которая, видимо, не менялась по несколько дней, а может быть и недель и представляла собой сплошной навоз, издающий удушилый вонючий запах. Больные были по преимуществу истерики, цинготники, туберкулезники, венерики, просто истощенные, покрытые язвами, ранами и т. д.

На наше замечание, почему люди находятся в таком состоянии, мы получали один ответ — нет медикаментов и нет медицинских сил, которые бы могли поставить лечение больных.

На неоднократные обращения в Сиблаг со стороны комендатуры [с просьбой] выслать медикаменты последние не высыпал.

На всех участках мы встретили одного лекпома*, только что закончившего медтехникум, который при отсутствии медикаментов, перевязочных средств и т. д. представлял собой совершенно беспомощного человека.

Такую же картины, как в бараках для больных, так и в общих бараках, представляли собой и др[угие] участки Назинской группы. Нам дали общую цифру больных, выражющуюся около 800 человек.

Кухня и столовая отсутствуют. Варка пищи происходит просто на открытом воздухе, там же раздавалась пища. Бараки совершенно не были снабжены питьевой водой. В ассортимент питания входил хлеб и так называемая «баланда», состоящая из воды, небольшого количества крупы и соленой рыбы. Какого-то бы ни было специального питания для больных организовано не было, их кормили из общего котла.

Нами немедленно были даны распоряжения участковым комендантам о повышении нормы выдачи больным и слабосильным, а также и об улучшении общего котлового довольствия поселенцам. Возможности в этом отношении оказались вполне реальными, ибо при последующей проверке складов районной комендатуры мы обнаружили постное масло, сухие грибы, большое количество галет. На наше замечание, почему люди разуты и раздеты, оборваны и грязные, мы получали ответы, что нет обмундирования, что на запросы этого обмундирования не присыпают. А при осмотре складов районной комендатуры нами обнаружены лежащие с июля месяца 100 комплектов обмундирования, летние костюмы.

На участках есть бани, но нужно сказать, что эти бани су-щественной пользы в деле борьбы с грязью и с вшивостью не приносят, ибо вымытых людей опять одевали в ту же грязную

* Лекарский помощник.

одежду, которая пропускалась через примитивную дезокамеру*. Мыло людям выдавалось 130 грамм[ов] на месяц, но не везде, а если в отдельных местах и выдавалось, то оно было абсолютно бесполезно, ибо отсутствие постелей, сменного белья, полотенцев и т. д. вело к тому, что люди совершенно не умывались по несколько дней и месяцев.

Здоровые люди из трудпоселенцев были заняты на работах по строительству бараков и др. жилищных объектов на участках. На одном из участков Назинно мы нашли посев озими в 1 га** на вновь разделанной земле.

С нашим приездом в районный центр — село Александровское нами был проведен тщательный осмотр всех складочных помещений районной комендатуры и было предложено все то, что имеется на складах и в чем нуждаются на местах, немедленно туда отправить. Перед районными организациями был поставлен вопрос о всемерной помощи комендатуре для улучшения положения трудпоселенцев.

Учитывая, что основным для исправления положения на участках является организация санитарно-медицинской помощи больным и слабосильным, которых, как уже выше говорилось, насчитывалось до 800 чел., но это далеко не полные сведения, ибо много больных валялось по общим баракам.

Нами перед Сиблагом был поставлен вопрос о немедленной заброске в Александровскую комендатуру достаточного количества больничного оборудования, медикаментов, а также и медперсонала с тем, чтобы немедленно развернуть госпитали, разбить больных по роду болезней и заняться спасением людей, восстановлением их сил с тем, чтобы в самое ближайшее время получить здоровых людей.

Нас больше всего тревожила опасность массовой вспышки тифа, ибо единичные случаи были налицо.

При последующих посещениях других участков расселения трудпоселенцев «Нового пути» Верх-Панинского участка мы там обнаружили точно такую же картину состояния трудпоселенцев: налицо множества больных, слабосильных и большую смертность.

Одновременно нами были выявлены факты грубого, бесчеловечного обращения с поселенцами со стороны отдельных комендантов, стрелков и самоохранников. Так, например, на поселке Верх-Пания комендант Царапкин занимался избиением трудпоселенцев, а стрелок Балонкин от него в этом не отставал.

Нормы довольствия настолько безобразно регулировались и были низки, [что] мы встретились с таким фактом: если по тем или иным причинам, [например], по слабости здоровья, заболеванию, трудпоселенец отказывался идти на работу и не имел записки от лекпома или фельдшера, что он освобожден от работы, то такой трудпоселенец не только наказывался карцерным положением, но и лишался полного довольствия и получал заниженную норму хлеба от 200 до 150 грамм[ов] в сутки, без горячей пищи, а выдаваемые записи врачебным персоналом об освобождении сплошь и рядом комендантами и стрелками игнорировались.

Карцерное помещение, в которое заключались провинившиеся, представляло собой простые землянки, частью с нарами, а частью просто земляным полом, холодные, без печей.

* Дезинфицирующая камера.

** Гектар.

Как факт грубого нарушения ревизаконности* по отдельным комендатурам были вывешены на дощечках объявления: «вход за зону воспрещается, [за] нарушение — стрелять».

Одновременно по всем участкам расселения трудпоселенцев комиссией был организован специальный разбор заявлений о неправильно высланных. Таких заявлений было разобрано 914. Через комиссию прошло живых людей 840 чел. Из этого количества было освобождено 174 чел., направлено людей для дополнительной проверки в Новосибирск — 231 чел., отказано — 51 чел. и направлено заявлений для проверки через аппарат Сиблага — 240.

Надо сказать, что комиссия при сборе заявлений, в беседах и опросе лично отдельных заявителей наталкивалась на факты, указывающие на явное нарушение ревизаконности со стороны центральных организаций, ведавших задержанием и отбором людей для направления на трудпоселение.

Ниже приводим список лиц, неправильно высланных, наиболее характерных:

1. **Иванов Иван** — инженер, работает на Канавинском котлотурбинном заводе в Нижнем Новгороде, приехал в командировку в Москву [в] Котлоуправление, где и был задержан.

2. **Овласевич** — инженер, техдиректор** авиазавода в г. Москве; был задержан на Ленинградском шоссе при выходе из трамвая.

3. **Вяхирев Николай Петрович** — инженер, геодезист, окончил Московский межевой институт; с 1928 по 1932 г. работал в Уральской области; с 1932 г. служит в г. Москве, Мособлпроект (Мясницкая, 43); арестован 28/IV у Покровских ворот, когда шел к сестре.

4. **Булыгин Григорий Иванович** — 1906 г. [рождения], работал чернорабочим в Москве на кистевязальной фабрике (Семеновская ул., 22, Пролетарского района); имеет паспорт, арестован, когда вышел за покупкой хлеба; паспорт выдан 33-м отделением милиции.

5. **Воронин Сергей Андреевич** — 1916 г. рождения, работал в г. Старая Русса, Ленинградской области, 13-я дистанция пути Октябрьской железнодороги слесарем; арестован, когда возвращался через Москву из отпуска.

6. **Гарин Иван Ипатович** — 35 лет, старший мастер по металлическим плиткам химкомбината на ст. Бобрики Рязано-Уральской железнодороги, задержан на вокзале, когда приехал к жене, работающей кондуктором на городском трамвае в Москве, она проживала [по адресу:] Воронцовская ул., дом № 28, кв. 3.

7. **Мозжерин Иван Петрович** — проживал с. Шаблиша Багарянского района Уральской области, колхозник колхоза «Красная поляна», проезжая в Новосибирск к отцу, вышел на ст. Называевской Омской железной дороги, за хлебом. Проходя мимо эшелона, следуемого с т/п***, был с последними схвачен, затащен в вагон, раздел и привезен в Томск, а затем Назино. Отец проживает в Новосибирске [по адресу:] Лесков Лог, 26, которого зовут Петр Данилович.

8. **Пучка Мария Кузьминична** — 1912 г. рожд[ения], колхозница-трактористка, проживала на ст. Камышевская Ейского района Северо-Кавказского края, по письму брата поехала в отпуск в

* Революционная законность.

** Технический директор.

*** Трудпоселенцы.

г. Москву и на вокзале была арестована; при себе имела справку от колхоза.

9. **Муллер Алексей Ефтихьевич** — 14 лет, поехал из дер. Гольновки около Житомира, от матери к брату в г. Владивосток; мать состоит в колхозе; брат — стрелочник желдороги; задержан при пересадке на вокзале.

10. **Артоух Федосей Михайлович** — 1912 г. рожд[ения], колхозник с. Тепловка Пирятенского р[айо]на Прилуцкого округа УССР, колхоз им. Ленина; в Москву послан с 3-мя товарищами за хлебом и на вокзале был арестован; его трое товарищей односельцы Комсийский Михаил, Волоцкий Иван и Тихенко Иван умерли на острове Назино, у которых дома остались семьи и дети; при аресте на Брянском вокзале предъявлял документы от колхоза, но на них не обратили внимания.

11. **Горбунова Галина Георгиевна** — жена командира секции крейсера «Аврора», проездом через Москву была задержана на Московско-Казанском вокзале, где имела пересадку на Ленинград; при задержании была беременной и родила на Назинском поселке в Нарыме.

12. **Овсянников Алексей Иванович** — 15 лет, жил у отца [в] г. Москве, Таганка, Большие Каменьщики, дом 36, кв. 6; отец — пекарь; арестован на улице.

13. **Гончаров Иван Романович** — имеет орден Красного Знамени № 20010; приехал в Москву за получением персональной пенсии, где был задержан.

14. **Маслов** — член ВКП(б), работал в г. Москве на Нефтегазе; вышивал с шурином и инженером; ввиду того, что не хватило закуски, все трое пошли в лавку, но были задержаны как беспаспортные. Инженер и шурин умерли, первый на острове Назино, а второй на 5-м Назиновском участке.

15. **Шиков Александр Сергеевич** — окончил ФЗУ* на коксохимическом комбинате в г. Щегловке Западно-Сибирского края, послан на работу по контрактации, но был задержан на ст. Болотная, Томской ж[елезной] д[ороги] и направлен в г. Томск, а затем Нарым.

16. **Скрипов Николай Селиверстович** — приехал в г. Омск, т. к. в Ишиме, куда он следовал к родственникам, был карантин; задержан в Омске на базаре конвоем, ведущим арестованных, и заключен в эшелон, где следовали т/п и с ними прибыл через Томск в Назино.

17. **Слесаренко Егор Герасимович** — 1918 г. рожд[ения], работал в г. Омске на Омской ж[елезной] д[ороге] в вагонном цехе; проходя по г. Омску, был задержан охраной эшелона, следуемого с т/п, посажен в вагон и направлен в Назино; мать работает на ст. Петухово Омской железной дороги на механическом заводе чернорабочей в литейном цехе, ее зовут Елизавета Леонтьевна.

18. **Куртюков Николай Федорович** — 16 лет, проживал в г. Москве, Пролетарский р[айо]н, Большая Каширская, дом 38, кв. 4; отец, Федор Яковлевич, работает по поделке вешалок, Куртюков ехал домой со ст. Раздельная, Военный городок (у Владивостока) от зятя Ивана Васильевича Березина, находящегося в Красной армии командиром взвода; на ст. Маслянинская Омской ж[елезной] д[ороги] вышел за кипятком, пролезал под эшелон[ом] к своему поезду, но был задержан охраной эшелона, посажен в вагон и направлен в Нарым.

* Фабрично-заводское училище.

19. Усенко Б. Ф.— бухгалтер, происходит из г. Курска, поехал на ст. Голутвино, которую проспал; у стоящего эшелона стал проситься доехать; ввиду разговора повышенным тоном был арестован, посажен в эшелон и направлен в Нарым; бывший доброволец Красной армии и состоит на учете в запасе командиром запаса.

20. Рахаметзянова — 12 лет, татарка, по-русски не говорит; ехала с матерью через Москву; на вокзале мать ушла за хлебом; милицией была задержана и направлена одна в Нарым.

21. Волков Николай Прохорович — 46 лет, рабочий-переплетчик с 28-летним производственным стажем; работал в совхозе при ст. Сиапин, около Харькова, арестован в Москве, куда приехал за документами.

22. Шудков Н. В.— член ВЛКСМ, зам. директора нежилтреста Ленинского района в г. Москве, брат учится в Промакадемии; в выходной день был на постановке в Большом театре на «Никой dame», по окончанию спектакля вышел и был задержан на Неглинном проезде и отправлен в Нарым.

В беседе со многими лицами комиссии заявляли, что при задержании в Москве люди показывали свои документы, как и в отделениях милиции, так и отборочным комиссиям, но их документам не придавалось никакого значения, заявления не проверялись и всем был один ответ: «Поезжайте, там с вами разберутся».

В Александровской комендатуре комиссия нашла большую пачку разных документов, в том числе: новые паспорта, комсомольские билеты, воинские билеты, отпускные удостоверения, старые удостоверения личности, справки о месте работы, пропуска с заводов, трудовые списки и т. д. Найти живых людей по всем этим документам комиссии не представилось возможным, но отдельные лица были найдены, освобождены и им вручались документы.

Комиссией обнаружено, что среди высланных имелись инвалиды, без ног, без рук, слепые, явные идиоты, малолетние дети без родителей.

При разборе заявлений от неправильно высланных комиссия подходила, руководствуясь вопросом и личными впечатлениями.

Из приведенного списка в письме тов. Величко комиссией найдено только до 10 человек, попытка найти всех не увенчалась успехом из-за отсутствия учета людей и [потому, что] до нас уже часть — 1940 чел. были вывезены в концлагеря, а может некоторые из них и умерли.

О КАДРАХ КОМЕНДАТУР

Останавливаясь на вопросе о личном составе районных комендантов, стрелков и др. работников комендатур, зав[едующих] базами, ларьками и т. д., надо сказать, что в значительной степени люди подобраны без достаточной проверки их социального положения, способностей, политического уровня и т. д. Поэтому в среде этих людей оказались такие, которые становились на путь преступления уголовного порядка (воровство продовольственных и снабженческих ресурсов, избиение и т. д.); нами за подобного рода проступки арестовано и привлечено к судебной ответственности 9 чел., отстранено от несения служебных обязанностей 3 чел., а всего с ранее привлеченными 26 чел.

Приводим список лиц, за что отданы под суд:

1. **Шербак** — стрелок ВОХР*, привлечен за убийство т/поселенца.

2. **Власенко** — поселковый комендант, кандидат в члены] ВКП(б), привлечен за систематическое избиение т/поселенцев, издевательство, применение голодного пайка, стыкование из лодки в воду.

3. **Хохлов** — стрелок, совместно со стрелком Головачевым систематически избивал т/поселенцев, крал пайки у т/поселенцев, заставляя их подносить ему убитую дичь из воды.

4. **Мушкин** — пом[ощник] коменданта; пользуясь своим положением, занимался кражами из ларька, скапал за бесценок вещи у т/поселенцев.

5. **Царапкин** — поселковый комендант, избиение т/пос., мародерство и другие.

Факт, приведенный в письме Величко, расстрел стрелком Ходовым т/поселенца на острове Назино, подтвержден. Ходов был за это привлечен к ответственности, но признан психически ненормальным, помещался в психиатрическую больницу, в данное время где-то на воле.

ТРУДОУСТРОЙСТВО

Касаясь трудоустройства, надо со всей ясностью подчеркнуть, что в условиях сурового климата, воды, трудпоселенцы, в значительной своей массе не приспособленные к физическому труду и не обладающие достаточным хозяйственным опытом, не могут являться тем контингентом, который бы освоился с природными условиями и крепко мог бы осесть на отведенных участках, занимаясь теми или другими работами. Участки, как «Назино» или «Новый путь», могут иметь основным видом занятий земледелие, но для этого нужно освоить большие работы по корчевке леса, а если заниматься подсобными промыслами — рыболовством, развернуть лесохимическое производство, лесозаготовки, то и в этой части будет очень трудно овладеть этим людям данными отраслями хозяйства, а участок Верх-Паня надо признать совершенно не пригодным к какому бы то расселению, как не имеющий около себя земельных угодий (в горе).

Комиссия высказывает за необходимость полной ликвидации участков и вывод из Александровского района трудпоселенцев с тем, чтобы разместить их в иных местах, или [в] лагерных поселениях или в местах расселения среди уже обжившихся старых контингентов спецпереселенцев.

ОБ УЧЕТЕ

Необходимо остановиться на вопросах, связанных с учетом трудпоселенцев со стороны комендатур и участковых комендантов. Комиссия здесь столкнулась с такого рода безобразными фактами, которые указывают на преступное отношение к постановке учета трудпоселенцев.

Мы ни на одном участке не могли получить точных цифр, какое количество людей прибыло, какое количество людей умерло

* Войска внутренней охраны.

и какое количество людей сбежало. Нет также точного учета наличия продовольствия, хозяйства и т. д. Все это указывает на то, что руководство комендатурой совершенно не придает никакого значения как вопросам охраны социалистической собственности и учету продовольственных ресурсов, так и особенно совершенно отсутствует какая-либо ответственность за учет людского состава труднопоселенцев.

Те общие цифры, которые нам удалось выявить, указывают, что из общего количества 10289 чел., поступивших труднопоселенцев в Александровскую комендатуру, налицо на день нашего приезда на всех поселках комендатуры имелось 2025 чел. Если к этому прибавить еще 1940 чел., отобранных до нашего приезда и посланных для переселения их в концлагеря, то мы получим колоссальную цифру разрыва, которая выражается в 6324 чел., причем из этого количества 3196 чел. умерло и 3691 чел. числится в бегах, но из этих бежавших надо считать значительную часть погибшими в тайге, в болотах и на речках.

Из числа оставшихся 2025 чел. ко дню отъезда комиссии на поселках Александровской комендатуры осталось 1400 с лишним человек, из которых комиссия определяет 50 % больных, лежащих, из остального количества процентов 35—40 слабосильных и только около 10—15 % людей могут еще выполнять кое-какую работу.

Обращает на себя внимание недостаток, а на некоторых участках полное отсутствие перевозочных средств и средств связи — недостаток лодок, нет моторок, нет паузков, чтобы своевременно регулярно забрасывать на участки продовольствие и обмундирование. Также узким местом является вопрос телеграфной и радиосвязи.

За период обследования через Сиблаг, местные организации (районные комендатуры, окружком партии, уполномоченного т. Белокобыльского) был проведен ряд мероприятий для улучшения быта т/поселенцев. На требование комиссии о посылке Сиблагом на места расселения необходимых медикаментов, обмундирования, продовольствия, медперсонала и т. д.— все эти заявки к моменту отъезда комиссии из Нарыма уже выполнялись, требуемое приходило на места, и в основном могли удовлетворить необходимые нужды для организации нормальных условий жизни т/поселенцев.

Комиссией даны конкретные указания уполномоченному Сиблиаге по Нарымскому округу тов. Белокобыльскому по всем вопросам, связанным с улучшением бытового устройства т/поселенцев.

Результаты обследования были сообщены бюро Нарымского окружкома партии, которое также со своей стороны приняло ряд практических мероприятий в деле улучшения бытового устройства т/поселенцев.

Председатель комиссии:

(Ковалев)

Члены комиссии:

(Курдов)

(Сорокин)

(Арнаутовский)

Постановление
Бюро Западно-Сибирского краевого комитета ВКП(б)

г. Новосибирск

1 ноября 1933 г.
Сов. секретно

По вопросу о расследовании комиссией крайкома фактов,
изложенных в письме т. Величко

Заслушав сообщение комиссии о результатах расследования фактов, изложенных в письме ВЕЛИЧКО, бюро Запсибрайкома партии считает, что факты, приведенные в письме, в основном подтверждились.

Одновременно бюро Крайкома констатирует:

1. Совершенно ненормальное положение, заключающееся в том, что организации, ведающие отправкой с места формирования эшелонов и посылкой деклассированного элемента, не озабочились снабдить их необходимым с места отправления до Томска (продовольствие, обмунирование). Люди прибывали в край полуодетые, истощенные, зараженные инфекционными болезнями (тиф, и др.), по пути следования не производилось достаточной санитарной обработки, зачастую с поездов снимались трупы.

Наряду с этим среди отправленных контингентов имелось ряд лиц, неправильно высланных.

2. Сиблаг, имея уже в феврале указание от ГУЛАГа о вселении в Западно-Сибирский край деклассированного городского элемента, при поставлении плана распределения не учет специфических особенностей этого контингента, не перестроил своей работы с учетом особенностей приема и обслуживание его, не ориентировал периферию на подготовку к приему деклассированного элемента, не установил особого режима, особенно в части снабжения бытового устройства, в отличие от условий проведения операций по выселению труднопоселенцев (кулаков), а также не поставил четкого оперативного контроля проверки исполнения своих указаний районными комендатурами.

3. Руководство Сиблага, в апреле [месяце] поставленное уже перед фактом прибытия первых партий деклассированных и др. элементов в Томскую пересыльную контору (до 20 тысяч человек) и зная о состоянии прибывших, особенно деклассированного элемента (физическое истощение, слабосилие, отсутствие одежды, обуви, предметов домашнего обихода), не предприняло достаточных мер к мобилизации имеющихся ресурсов в системе Сиблага, к обработке состава деклассированных, чтобы при дальнейшем следовании в северные районы для расселения деклассированные могли бы это совершить в более удовлетворительном состоянии.

Наряду с этим со стороны уполномоченного Сиблага по Нарымскому округу т. Белокобыльского, коменданта Томского пересыльного пункта Кузнецова, коменданта Александро-Ваховской комендатуры Цепкова не было принято достаточных мер к подготовке к правильному формированию эшелонов, снабжению, также их продвижению до места назначения и устройству. Не было принято никаких мер к прекращению совершенно недопустимого, издевательского обращения со стороны охраны. Не установили должной дисциплины среди т/п*, допустив избиение, мародерство, проявляемое частью деклассированных.

* Труднопоселенцы.

4. Совершенно недопустимую, преступную практику обслуживающей т/п Александровской комендатурой в лице коменданта Фролова, который допустил, что при наличии на складах части обмундирования, некоторых запасов продовольствия на поселках, даже больные были раздеты, не получали необходимого питания и общее обслуживание как больных, так и остальных людей было поставлено в такие условия, которые способствовали дальнейшему истощению, повышенной заболеваемости и смертности.

5. Томский Рупвод*, предоставляем баржи для перевозки карантов, не принял никаких мер к оборудованию их по правилам, установленным для людских перевозок, вследствие чего люди были поставлены в нечеловеческие условия (отсутствие кипятка, ведер, нар и т. п.).

6. Александровский райком и Нарымский окружком партии несмотря на то, что им было известно о положении и событиях на острове Назино, не проявили достаточной политической настороженности, не взяли под неослабный контроль и наблюдение работу комендатуры и ее участников, не проконтролировали ход дальнейшего расселения и устройства деклассированных элементов.

7. Совершенно недопустимое, благодушное отношение со стороны ряда районных, окружных работников и аппарата Сиблага: принятые ими меры были совершенно недостаточны; не был поставлен на должную принципиальную высоту вопрос об изжитии тяжелого положения, что привело к тому, что вплоть до приезда комиссии на всех участках продолжалась заболеваемость, смертность и факты грубого, издевательского отношения со стороны комендантов и охраны.

8. Все это явилось следствием того, что руководство Сиблага и районных комендатур недооценило политической важности, не учло всех трудностей, связанных с проведением операции по выселению деклассированного элемента, провело эту операцию формально-бюрократическими методами, не проявив соответствующей бдительности, инициативы, исходя исключительно из старой практики вселения кулаков, которая ни в коем случае не могла быть применена к расселению деклассированного элемента.

Бюро крайкома ВКП(б) постановляет:

1. Принять к сведению, что ПП ОГПУ** и руководством СИБЛАГА (т. Горшков и Долгих) принят ряд мер, направленных к улучшению материально-бытового положения нового поселения Александровской комендатуры — заброшены медикаменты, обмундирование, дополнительные ресурсы питания, посланы дополнительно работники аппарата и медперсонал.

2. Принять к сведению, что Нарымским окружным комитетом ВКП(б) также принят ряд мероприятий, содействующих органам Сиблага в деле хозяйственно-бытового обслуживания т/п.

3. За отсутствие должной распорядительности в деле организации расселения деклассированного элемента, неприятие мер к обслуживанию в необходимой мере деклассированного элемента как при этапировании, так и в местах расселения, за отсутствием постановки должного контроля и проверки исполнения указаний руководства Сиблага периферией, за замазывание и недостаточно

* Районное управление водным транспортом.

** Полномочное представительство Объединенного государственного политического управления.

правильную, информацию Крайкома партии и других органов об истинном положении с расселением в комендатурах деклассированного элемента начальнику управления Сиблага т. Горшкову объявить строгий выговор с предупреждением.

Пом. нач. Сиблага т. Долгих, руководивший непосредственно проведением всей операции, заслуживает более сурового партийного взыскания, но учитывая, что т. Долгих имеет ряд крупных революционных заслуг, а также его прошлую большую, положительную работу по расселению т/п, ограничиться объявлением строгого выговара с предупреждением.

4. Уполномоченного Сиблага по Нарымскому округу Белокобыльского за допущенную бездеятельность, очковтирательство, нераспорядительность из партии исключить, с работы снять, предать суду.

5. За полную неподготовленность при приемке каравана деклассированных элементов, за издевательство над т/п, за несвоевременную сигнализацию соответствующим организациям о положении на острове Назино и в поселках районного коменданта Александровской комендатуры Цепкова из рядов партии исключить и принять к сведению, что он ПП ОГПУ отдан под суд.

6. За полнейшую нераспорядительность в деле снабжения деклассированного элемента, а также и обслуживания их на заселенных участках коменданта Александро-Ваховской комендатуры Фролова из партии исключить, с работы снять и отдать под суд.

7. За преступно-формальное отношение к делу содержания т/п на переселенческой базе и к организации каравана, отправляемого в Александро-Ваховскую комендатуру, коменданта Томской комендатуры Кузнецова из рядов партии исключить и принять к сведению, что он ПП ОГПУ отдан под суд.

8. Поручить ПП ОГПУ привлечь к судебной ответственности нач. каравана т/п Колубаева.

9. Принять к сведению решение Бюро Нарымского ОК* о наложении партийного взыскания на бюро Александровского РК ВКП(б).

10. Указать бюро Нарымского ОК ВКП(б) на то, что с его стороны не было принято должных мер по установлению контроля и проверки деятельности Александровской комендатуры в деле материально-бытового устройства т/п.

11. Поручить краевому прокурору т. БАРКОВУ привлечь к судебной ответственности работников Рупвода, виновных в безобразном отношении к оборудованию барж для каравана т/п.

12. Предложить ПП ОГПУ и Сиблагу установить на зимний период систематический контроль и проверку за дальнейшим устройством деклассированного элемента по комендатурам севера и материально-бытовым, особенно медицинским обслуживанием.

13. Поручить ПП ОГПУ и краевой прокуратуре продолжать работу по проверке по всем комендатурам заявлений о неправильно высланных т/п нового поселения.

14. Указать т. т. Алексееву и Баркову, что со стороны аппаратов ПП ОГПУ и прокуратуры не было осуществлено достаточного контроля и проверки за деятельностью Сиблага.

Предложить т. Алексееву усилить руководство оперативной деятельностью Сиблага по т/п, проверить руководящий состав Сиблага и комендатур, отстранить непригодных.

* Окружной комитет.

Поручить т. Алексееву и отделу кадров подобрать работников для усиления состава районных и поселковых комендатур.

Предложить т. Баркову усилить наблюдение прокуратуры за соблюдением всех законов в отношении т/п.

Поручить т. Баркову и отделу кадров укрепить состав прокурорских работников Нарымского и Тарского округов.

15. Признать, что деклассированные элементы непригодны к освоению севера.

Предложить т. Алексееву поставить вопрос перед ОГПУ о полном прекращении присылки деклассированных элементов для т/поселения и о вывозе с севера с открытием навигации деклассированных элементов, а также разработать порядок их дальнейшего устройства.

16. В целях лучшего обслуживания и управления т/поселенцами считать необходимым выделение из системы Сиблага самостоятельного управления по делам т/п.

Поручить т. Алексееву поставить этот вопрос перед коллегией ОГПУ.

Одновременно поставить вопрос перед ЦК и Совнаркомом о передаче части мелкосидящего флота севера в системе Оби и Иртыша в ведение управления т/п.

17. Для рассмотрения и разработки вопросов, связанных с улучшением дела обслуживания и расселения т/п, создать комиссию крайкома и крайисполкома в составе т. г. Решикова (председатель), Алексеева, Баркова и Ковалева.

18. Просить коллегию ОГПУ о расследовании привлечения к ответственности организаций и лиц, допустивших незаконное действие в деле выселения лиц, неподпадающих под действие постановления правительства от 20/IV—1933 г., и безобразного отношения к снабжению этапируемых в Запсибкрай т/п.

19. Просить коллегию ОГПУ об укреплении руководства Сиблага.

Именной указатель

Алексеев Николай Николаевич (1893—?) — большевик с 1919 г., в органах ВЧК с 1921 г., в начале 30-х годов был полномочным представителем ОГПУ по Западно-Сибирскому краю и председателем особой тройки.

Белокобыльский Максим Захарович (1892—1937) — большевик с 1917 г., участник антиколчаковского подполья и партизанского движения на Алтае; с 1920 г. в органах ВЧК — ОГПУ; в начале 30-х годов начальник Шегарской комендатуры, затем уполномоченный Сиблага по Нарымскому округу.

Берман Матвей Давыдович (1893—1939) — большевик с 1917 г.; участвовал в борьбе за установление Советской власти в Томской губернии; с 1918 г. работал в органах ВЧК — ОГПУ — НКВД, пройдя путь от председателя уездной чеки до заместителя наркома внутренних дел СССР; с 1938 г.— нарком связи СССР.

Долгих Иван Иванович (1896—1956) — большевик с 1920 г., участник антиколчаковского партизанского движения на Алтае, командир батальона и полка Красной Армии на Врангелевском фронте; в 1922—1927 гг. на командных должностях в войсках ЧОН и ВЧК — ОГПУ; с 1931 г. помощник начальника Сиблага по переселенцам, с 1935 г.— начальник отдела трудовых поселений управления НКВД по Западно-Сибирскому краю.

Ковалев Максим Иванович — большевик с 1905 г., активный участник борьбы за установление Советской власти на Алтае, после освобождения Сибири от колчаковщины — на руководящей партийной работе, в том числе в органах партийного контроля Западной Сибири.

Эйхе Роберт Индрикович (1890—1940) — большевик с 1905 г.; после Октябрьской революции работал в продовольственных органах; в 1925—1937 гг. на руководящей партийной и советской работе в Сибири; председатель Сибкрайисполкома, секретарь Запсибкрайкома ВКП(б); затем нарком земледелия СССР.

Ягода Генрих Григорьевич (1891—1938) — большевик с 1907 г., участник Октябрьской революции в Петрограде, с 1920 г.— член президиума ВЧК, с 1924 г.— заместитель председателя ОГПУ, в 1934—1936 гг.— нарком внутренних дел, затем — нарком почт и телеграфа СССР.
